

Авиньон легко не полюбить. Устать от непереносимой жары, разозлиться на назойливых распространителей рекламных открыток, посмотреть десяток бессмысленных, самодельных спектакликов в офф-программе. Горжище, наркотик, нон-стоп. Вслед за всеми вы будете по инерции повторять: праздник, праздник театра. Но для настоящего праздника будет чего-то очень важного не хватать.

Когда наступит вечер, отправляйтесь в Папский дворец. История города и история фестиваля пересекаются именно здесь, в громадном и суровом дворце-колодце самого большого из сохранившихся в Европе готических замков. Для фестиваля тут возводят гигантскую трибуну, амфитеатром взирающую от дощатого сцены-настила почти к башенным бойницам. Вместо театрального звонка раскатом гремят фанфары. Хочется приосаниться, расправить плечи, гордо поднять подбородок. Давно такого не испытывал в театре. Актеры появляются на площадке из ворот, через которые когда-то выходили подышать свежим воздухом наместники Всевышнего.

Кстати, о воздухе. Кажется, в папском "Почетном дворе" особый микроклимат. Здесь чуть прохладней, чем в городе, и всегда веет легкий ветерок. Может быть, так было только в этом году. Но атмосфера тут воистину таинственная, чуть тревожная и в то же время успокаивающая. Эффект психологической разгрузки очевиден. Сюда можно было бы продавать билеты и без спектаклей — просто за возможность посидеть полчаса в сумерках. Взгляд сегоднешнего зрителя, пришедшего заранее и уже настроившегося смотреть спектакль, волею неволи поднимается вверх, к строгому силуэту стен, вычерченному на фоне стремительно темнеющего неба. Сидишь в "колодце", а ощущение такое, что поднялся на высокую гору. Все осталось далеко внизу — жара, пресс-конференции, офф-программы, мечты выкроить день и податься к морю, скверные недорогие ресторанички, да и хорошие дороги тоже.

Должно быть, актерам тут очень приятно. И одновременно очень страшно — играть. Шестьсот лет камню, пятьдесят лет фестивалю, две тысячи зрителей, а у тебя всего три часа, чтобы наладить связь с мертвыми стенами, живыми людьми и растворенной в эфире театральной традицией. Молодой, но уже популярный режиссер и автор Оливье Пи даже включил в текст своего "Лица Орфея", показанного в "Почетном дворе", прямое обращение к стенам дворца.

Чтобы современному зрителю было понятно, как справился с замшелым величием папских башен основатель фестиваля, в Доме Вилара к нынешнему фестивалю открыли выставку костюмов ТНП (Национального Народного театра). Виларовский дом — не мемориальный музей, а научный и культурный центр. Своего рода архив истории фестиваля и наследия Вилара. Он существует в стороне от фестивальной суеты, отдельно, но не на обочине, не мертвым грузом и не молебным домом. Поль Пюо, руководящий этим специфическим образованием, долгие годы был правой рукой Вилара, а после его смерти почти десять лет возглавлял дирекцию Авиньонского фестиваля. Он редко появляется на публике, хотя его кабинет находится буквально за стеной от пресс-центра, но ревностно следит за судьбой фестиваля. Его "левый запал", кажется, в большей степени проявление артистизма и благородства, чем политическая позиция. Если бы кто-



Любить? Не любить? Любить.

нибудь взялся вернуть словам "рыцарь театра" их неопрошеный смысл, то они в первую очередь относились бы именно к Полью Пюо. А время от времени этот спокойный и пронзительный старик преподносит такие сюрпризы, что даже искусственные специалисты и авиньонские завсегдатаи ахают. В этом году таким событием и стала упомянутая выставка костюмов.

Вилар в свое время покорила Папский дворец яркостью красок. Если мысленно соединить насыщенные цвета тканей (сделав поправку на то, что за пятьдесят лет они неизбежно подвыцвели) с каменными "задниками" и "кулисами" и помножить полученное на темперамент Марии Казарес и обаяние Жерара Филиппа, то, возможно, удастся представить себе, чем стали для всей театральной Франции первые авиньонские представления.

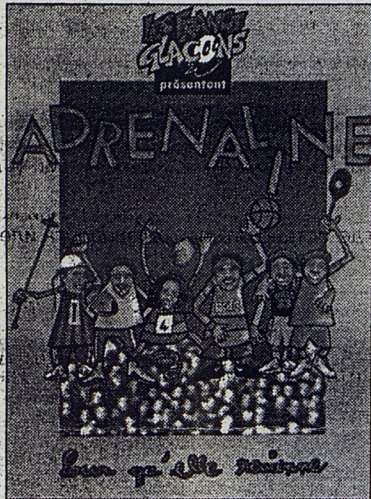
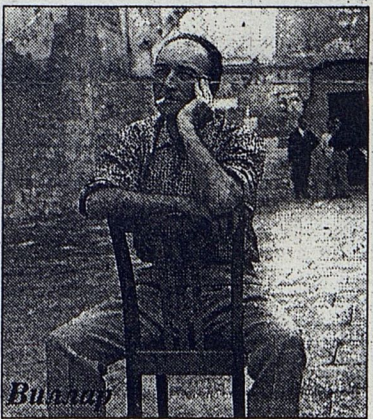
Те, кто ходил по подмосткам "Почетного двора" в этих костюмах, сегодня смотрят на прохожих со стен авиньонских домов. Несколько "глухих" стен в центре города расписаны: из плоских "окон" выглядывают они — Жан Вилар, Мария Казарес, Жерар Филип. И рядом, на других этажах, те, кто уже после них прирачивал славу их дела — Морис Бежар, Ариана Мнушкина.

Придите вечером в "Почетный двор". Зайдите на выставку костюмов. Если получится, поговорите с Полем Пюо. Не полюбить Авиньон невозможно.

Поль Пюо: Надо, чтобы публика могла думать

Представим себе, что Жан Вилар жив. В чем Авиньонский фестиваль тогда бы отличался от того, каким он сегодня стал?

Мне сложно судить, потому что я видел все этапы эволюции фестиваля и сам принял участие в изменении его облика. С другой стороны, я



стоял у его истоков вместе с Виларом. Не надо вам объяснять, что тогда была совершенно другая эпоха. После освобождения мы жаждали чего-то такого, чего были лишены во время оккупации. У Вилара был очень своеобразный и определенный взгляд на общественные задачи театра. И тогда, после войны, идея народного театра была абсолютно новой. Мы были бедны, но свободны!

Сейчас театру тоже не хватает денег. Означает ли это, что он не просто потерял свободу, но еще и задаром?

Можно и так сказать. В России сегодня, как я знаю, не очень заботятся об источниках денег. "Деньги не пахнут" — есть поговорка, но я лично считаю, что деньги очень даже пахнут. Нужно отдавать себе в этом отчет. Вот Вилар был очень сильным человеком. Он умел противостоять всему, что могло затронуть его свободу. Когда были проблемы с субсидиями, мы решили играть в Почетном дворе Папского дворца без декораций. Декорациями были костюмы. И Вилар таким образом выиграл, все считали, что это было потрясающе. А сегодня... Слишком богатая декорация свидетельствует о слабости режиссуры.

Сегодня оформление иногда стоит огромных денег. Но публике это ничего не дает.

Все-таки прошло уже полвека. Как вам кажется, можно ли сказать, что идеи Вилара сохраняют жизнеспособность? Или они имеют чисто музейное значение?

Сегодня они насущны, как никогда раньше. Многие актеры и режиссеры сейчас уверены, что они должны заниматься только исследованием собственного душевного состояния. Разуме-

ется, они имеют на это право. Но они должны осознавать, что таким образом отделяют себя от зрителей.

Есть ли, на ваш взгляд, на Авиньонском фестивале режиссеры и спектакли, отвечающие виларовским представлениям о театре?

Да. Это поколение тридцатилетних, и прежде всего Станислав Норде и Оливье Пи. У них пока мало практики, но зато есть воля к серьезному театру. Я вижу, как именно это поколение стремится вновь обрести театральные ценности своих дедушек и бабушек. Не подумайте, что я ностальгирую, я только пытаюсь понять причины изменений, которые привели к тому, что сейчас очень трудно увидеть во Франции действительно хороший спектакль.

Каковы же они?

Во Франции фактически нет репертуарных театров. Когда актеры собираются на один спектакль, это не может дать по-настоящему серьезного результата. А репертуарный театр сохраняет верность публике, которая может смотреть любимых актеров в разных ролях. У нас, например, в советские времена образовалась очень умная публика, со своими художественными критериями. Увы, это правда, что театр говорит самые существенные вещи в самые неприятные и даже драматические моменты истории. Мы с Виларом в свое время создали постоянную труппу актеров, которые были единомышленниками. У Жерара Филиппа, даже когда он стал знаменит, были такие же гонорары, как у других, и его имя появлялось на афише в алфавитном порядке. Вилар считал, что театр должен делаться очень строго и что актеры должны относиться с большим недоверием к любому влиянию, которое может на них оказываться извне. Например, к влиянию политики и к влиянию денег. К влиянию средств массовой информации, кстати, тоже.

Намек понят. Вы говорите о значении репертуарного театра. В России сейчас многие спорят о необходимости сохранения системы больших стационарных трупп.

Я знаю об этом и понимаю, что в бюрократическое время устройство государственных трупп было консервативным. Поэтому люди стремятся на свободу. И свободные театрики бывают иногда очень хороши. Но надо помнить о риске того, что произошло у нас: театр существует отдельно, публика отдельно, настоящего контакта между ними нет. Будьте осторожны!

Мне показалось, что авиньонская публика сегодня довольно-таки расслоена. На одном фланге — спектакли в "Почетном дворе" Папского дворца, они стали престижными светскими мероприятиями, на другом — офф-программа, которую смотрят совсем другие зрители.

К сожалению, вы правы. И для меня это очень большой вопрос. Понимаете, Вилар ведь делал не театр для рабочих, он делал народный театр в том смысле, что это были спектакли и для уборщицы, и для профессора, и для дворника, и для адвоката. Обо всем рассказывалось серьезно, но простыми словами. Мы считали, что театр существует не для элиты, а для всех. Ведь в течение пятнадцати лет на фестивале была представлена всего одна труппа — нашего Национального Народного театра. Мы заботились о том, чтобы все зрители могли свободно дискутировать, чтобы они становились сообщниками творцов, вовлекались в творчество. Для Вилара театр был способом заставить людей размышлять. И в то же время он хотел, чтобы все вокруг театра становилось праздником. Тогда между жителями Авиньона и актерами устанавливались очень тесные, сердечные связи. Поскольку актеры приезжали сюда каждый год, возникала настоящая дружба. Например, проводились футбольные матчи между авиньонцами и актерами ТНП. Каждый год 14 июля мы организовывали бал в честь нашего национального праздника, где актеры и актрисы танцевали вместе со своими зрителями. Я и сейчас встречаю авиньонских старушек, которые до сих пор вспоминают, как они вальсировали с Жераром Филиппом. Атмосфера тогда была гораздо более непосредственная, и мне она была гораздо приятней. Но начиная с какого-то времени создался офф-фестиваль, и публика теперь очень распылена.

Вы были первым, кто пригласил русский театр в Авиньон. (Это было в 1979 году, когда БДТ играл "Историю лошади". — Р.Д.) Таким образом, у истоков нынешней "русской программы" стояли вы. Почему вы это тогда сделали?

А все потому же. Театр Товстоногова был образцом репертуарного театра, того, что мы искали. Когда я унаследовал пост директора

фестиваля от Вилара, я каждый год, или раз в два года, ездил в Советский Союз смотреть спектакли. Я старался, чтобы мне ничего не навязывали — ни ваша бюрократия, ни наша. Они друг друга стоят. Мне



было важно показать работу высшего качества. Тогда же была организована встреча советских и французских деятелей театра. Их закрыли в комнате, и я им сказал: вы будете разговаривать свободно, без всякой политики, а не то я все это остановлю. Это было очень интересно.

Беседовал
Роман ДОЛЖАНСКИЙ
АВИНЬОН